

Сергей Ковальчук

Великая Отечественная война

глазами очевидцев

Сергей Васильевич Ковальчук

Великая Отечественная

война глазами очевидцев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57238283

SelfPub; 2021

Аннотация

Здесь вы прочитаете о том, что в 1941 году многие солдаты никогда не видели автоматического оружия и считали, что оно стреляет само. О том, какая на самом деле нищета царила в СССР, что новобранцам, следующим в тыл для подготовки к фронту, даже не выдавали одежды и обуви. Они шли в том, что взяли из дома, а когда их обувь приходила в негодность, некоторые вынуждены были надевать лапти, которые им давало сердобольное население сел, мимо которых они проходили. Вы узнаете о настоящем вредительстве в тылу, когда солдат, подлежащих отправке на фронт, кормили баландой и доводили до больничных коек из-за голода. Вы узнаете, как на самом деле относилось к нашим воинам население Польши, Австрии и Германии. О подростках из «гитлерюгенда», власовцах, бандеровцах. О том, как рылись окопы, сколько пили перед боем, как боролись со вшами. Вы узнаете о том, о чем не знали.

Сергей Ковальчук

Великая Отечественная война глазами очевидцев

Предисловие

«Вставай страна огромная, вставай на смертный

бой

С фашистской силой темною, с проклятою ордой!
Пусть ярость благородная вскипает, как волна!
Идет война народная, священная война!

Как два различных полюса, во всем враждебны мы.
За Свет и Мир мы боремся, они – за царство Тьмы
Пусть ярость благородная вскипает, как волна!
Идет война народная, священная война!

Дадим отпор душителям всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям; мучителям людей!
Пусть ярость благородная вскипает, как волна!
Идет война народная, священная война!

Не смеют крылья черные над Родиной летать,
Поля ее просторные не смеет враг топтать!

Пусть ярость благородная вскипает, как волна!
Идет война народная, священная война!

Гнилой фашистской нечисти загоним пулю в лоб,
Отродью человечества сколотим крепкий гроб!
Пусть ярость благородная вскипает, как волна!
Идет война народная, священная война!

Пойдем ломить всей силою, всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую, за наш Союз большой!
Пусть ярость благородная вскипает, как волна!
Идет война народная, священная война!

Встает страна огромная, встает на смертный бой,
С фашистской силой темною, с проклятою ордой.
Пусть ярость благородная вскипает, как волна!
Идет война народная, священная война!

(Слова В.И. Лебедева-Кумача, музыка А.В. Александрова)

Здравствуйте, мои уважаемые и любимые читатели! Перед вами первая книга серии «Великая Отечественная война глазами очевидцев». В ней я решил привести рассказы десяти человек. И это только фронтовики. В первую книгу серии я не стал помещать рассказы тех, кто ковал Победу в тылу, находился в оккупации или был блокирован на долгие 900

дней в осажденном голодном Ленинграде.

Все десять фронтовиков примерно одного возраста, разница у них всего в несколько лет. Учитывая, что война закончилась 75 лет назад, иначе быть и не могло. Некоторые из них, к сожалению, к моменту выхода этой книги скончались.

Из этих фронтовиков трое являются Героями Советского Союза. Некоторые прошли всю войну от начала и до конца. Другим довелось воевать буквально год. Есть тут и пехотинцы, и летчик, и артиллеристы, и связист, и моряк, и даже огнеметчик, закончивший военное училище химической защиты.

Некоторые из вас могут спросить, чем же примечательна эта книга? Почему мы должны ее прочитать, потратив на это свое драгоценное время? Ведь о той страшной и славной войне уже сказано все, что только можно было сказать. Мы видели сотни и тысячи как документальных, так и художественных фильмов о том периоде нашей истории.

Но в художественных фильмах нам не расскажут о том же армейском фронтовом быте. Как роются окопы, траншеи, блиндажи и землянки; как строятся аэродромы и укрепления; как в окопах борются со вшами, что едят и чем запивают, употребляют ли спиртное перед боем и т.п.

А в документальных фильмах не всегда покажут и расскажут о человеческой трусости, слабости, безволии и других негативных моментах. Ведь у государства существует пропаганда.

Надеюсь, что чтение этой книги станет для вас занятием очень и очень интересным. Почему? Потому что здесь рассказано о той войне, которая была на самом деле, а не о красивой, пусть и высокохудожественной, но выдумке.

Здесь вы прочитаете о том, что в 1941 году многие, даже образованные солдаты, никогда не видели автоматического оружия и даже считали, что оно стреляет само. О том, какая на самом деле нищета царила в СССР, что новобранцам, следующим в тыл для подготовки к фронту, даже не выдавали одежды и обуви. Они шли в том, что взяли из дома, а когда их обувь приходила в негодность, некоторые вынуждены были надевать лапти, которые им давало сердобольное население сел, мимо которых они проходили.

Вы узнаете о настоящем вредительстве в тылу, когда солдат, подлежащих отправке на фронт, кормили баландой и доводили до больничных коек из-за голода. Вы узнаете, как на самом деле относилось к нашим воинам население Польши, Австрии и Германии. О подростках из «гитлерюгенда», владимирцах, бандеровцах. Вы узнаете о том, о чем не знали.

И еще. Эта книга выведет некоторых из вас из состояния уныния. У вас сейчас все плохо? Вы на грани развода или финансовой катастрофы? Вы сильно больны или вам светит тюрьма? Прочитав здесь о том, какие испытания перенесли в войну люди, наши с вами бабушки и дедушки, вы, возможно, кардинальным образом переосмыслите свои собственные нынешние проблемы, измените свой взгляд на дей-

ствительность.

Почему? Да потому что мы, привыкнув жить в современном обществе потребления, стали вялыми, мягкотелыми и непривычными к труду. Мы никогда не видели настоящего голода, бомбежек, ранений, вшей, и многих-многих других страшных вещей, с которыми довелось столкнуться уже ушедшему поколению.

За своими героями я старался записывать дословно. Чтобы вы, читатель, могли отличить стиль повествования каждого. Я исключил лишь повторения и явные ошибки, ставя на их месте многоточия.

С Божьей помощью я пишу первую книгу новой серии. Эта серия получит название: «Крик нерожденных. Все последствия абортов». Комментарии, как говорится, здесь излишни. Хотя коротко скажу, что никто из принявших решение пойти на аборт, даже примерно не представляет себе всех его последствий: медицинских, психологических и иных, которые крайне негативно влияют на весь род этого человека. А эти последствия чрезвычайно тяжелы. Не только для самих женщин, но и их мужей и детей, рожденных после аборта.

Возможно, кто-то скажет, что это чушь. Что мол у меня или моих знакомых были аборты и ничего, все хорошо. Но это не так. Просто человек не понимает, что многие болезни и проблемы в его жизни обусловлены именно этим событием. А ведь еще впереди самое главное – держать ответ перед

Богом за то, что не пустила на этот свет данное Им дитя.

Надеюсь, что вы, мои дорогие, с Божией помощью, эту книгу тоже вскоре сможете прочитать. Как и все остальные мои книги. Ищите и найдете! На сайте ЛитРес.

А выводы делать только вам. Ну, с Богом!

Рассказ первый

Борис Акимович Дехтяр (19.05.1922 г. – 06.02.2012 г.)

(Россия, г. Нижний Новгород)

Рассказ фронтовика записан в ноябре 2011 года

«22 июня 1941 года я был на границе. Накануне вечером около нашей казармы (а казарма – это был большой сарай, длинный, в котором мы соорудили себе нары в три этажа, и рядом в «пирамидах» стояли наши винтовки, и в таком виде мы там спали), перед выходным днем, воскресеньем, бывший хозяин этого сарая пришел к нам и сказал: «ребята, завтра будет война!»

И мы все вместе ответили ему дружным хохотом. Но не все смеялись. Потому что за две недели до этого нас строго предупредили, что если кто-нибудь будет говорить, что будет война, то смотрите! А почему? А потому, что в прошлое воскресенье, за неделю до этого, по радио передали, а потом в газетах было сообщение ТАСС: «Опровержение слухов о том, что немцы собираются на нас напасть». И нас заверяли, что никакой войны не будет, запрещено было. А тут он такое

говорит.

Ну, и мы легли спать. Мы радовались, что завтра не будет этого каторжного труда на границе, где мы сооружали эти укрепления. Она же была голая. И вот в три часа ночи я проснулся, и слышу, что какой-то прерывистый мощный гул идет откуда-то сверху. Непонятно, что. Мы еще не знали, что это.

Я и еще несколько человек выскочили на улицу. Небо было совершенно черное, и в нем очень четко, в строгом строю летели десятки самолетов. Они летели в нашу сторону, на восток. Силуэты их были как пушинки, белые и прозрачные, как бумажные. И мы поняли, что там Солнце, их уже было видно, их освещало. А гул был мощный. И я сразу подумал: «война!»

Побежали к командирам, нас «в ружье». А в четыре утра нас уже обстреляли немецкие самолеты. Прилетели два небольших самолета, обстреляли. А нас было, значит, наша рота в этом сарае. А всего нас там был отдельный батальон.

Отдельный, потому что он подчинялся не какому-то полку или дивизии, а напрямую 15-му армейскому управлению военно-полевого строительства, было такое. Нас в батальоне было восемьсот пятьдесят человек. Вооружены все были винтовками, хорошими винтовками. Это были карабины на основе русской винтовки 1898/1930 годов. Но они были изготовлены в Польше и достались нам как трофей.

Вот мы все были ими вооружены. У них вместо нашего

штыка был штык-нож. Поскольку у нас были замечательные командиры: командир роты – Смирнов, командир батальона – капитан, батальонный комиссар, они были очень опытные. Они были себе на уме, и нам говорили: «не расставайтесь с винтовками, обоймы держите в подсумках и прикрепите к поясу, чтобы все было на вас!»

Они рисковали, об этом кто-то мог донести, были же особисты и прочие. Но мы их слушали. И когда была команда: «в ружье!», нас вывели и велели окапываться. До этого окапываться мы не могли, не имели права, потому что войны-то не будет!

А укрепления строили в самой первой стадии. Вот я лично, если бы не война, то я бы вообще сдох. Такой каторжный был труд, десятичасовой рабочий день. Я был на песчаном карьере. А песок добывали для бетономешалки.

А другим было еще хуже. Они дробили камень в щебень для этой бетономешалки. И мы строили огромный аэродром, состоящий из бетонных плит. Они были как пчелиные соты: шестиугольники, вплотную, под самые тяжелые самолеты.

И я был самым молодым. А более старшие, хоть они и колхозники все были, говорили: «как можно у самой границы строить аэродром для таких тяжелых самолетов? Почему не в тылу?» Мы этого не понимали. Но вот мы его строили.

И вот, в это утро, в четыре часа, мы уже были в бою. Потому что после самолетов пришли немцы. Как я уже потом догадался (через недели две-три), мы были вне главного уда-

ра. Потому что лесистая местность, пролежавшая в низине, и болота. А немцы, как мы потом поняли, прошли по прекрасному шоссе, левее нас, мощными танковыми колоннами. И сразу далеко прошли. О нас они, наверное, знали, разведка работала, что это строители. Рядом, в соседнем селе, стоял такой же батальон, тоже восемьсот пятьдесят человек, и они на нас решили не обращать внимания.

Поэтому на нас бросили отряды, с которыми мы справлялись. А как справлялись? Наш командир, Смирнов, понимал, какие мы стрелки. Ну, я был «ворошиловским стрелком», я дома, в школе уже знал винтовку хорошо. Тогда так готовили. А это были колхозники все.

Он сказал: «стрелять только залпом, всем вместе и по моей команде!» Ну, если восемьсот винтовок сразу ударят в одно место, что-то получается. А там стояли строительные машины, они в выходной не работали. Дорожные машины, трактора около бетономешалки. Вот мы за ними залегли. Лично я за трактором залег.

И не заметил, как на меня свалился немец откуда-то сверху. Я с испугу не выстрелил, а так как у меня в руках была лопатка, которой я окапывался, так я его по горлу ее лезвием и ударил.

Вот так это все началось. В первый же час связь была полностью потеряна. Когда теперь некоторые говорят, что ничего подобного, что мы были полностью готовы, это полная чушь. Я просто свидетель этого. Но я не только свидетель.

Потом, в госпиталях, на пересыльных пунктах я встречался с десятками людей, которые были тоже в таких же условиях.

Ничего не было, никакой готовности. Вот это сообщение ТАСС, которое было, о том, что войны не будет, оно вообще всех «демобилизovalo». И поэтому получилась вот такая ситуация.

И вот, эти наши командиры, понимающие дело, поскольку не было связи, послали вестового на коне к высшему командованию. Приехал вестовой, и мы впервые в жизни увидели автомат. Немцы-то с автоматами были. И я впервые в жизни увидел этот автомат – ППШ, с круглым диском.

Я учитель, студент второго курса института, не представлял себе, что такое автомат. Когда я читал в газетах, что применяют автоматическое оружие, я думал, что оно само стреляет или еще что-то. Я не понимал, что такое автомат.

А немцы уже ими вооружены были. Да, конечно же, не на сто процентов, но они у них были. И это очень важно, потому что теперь молодым трудно разобраться, что же было на самом деле. Вот так было на самом деле.

Все это происходило на новой границе между Польшей и Советским Союзом. Что такое «новая граница», может быть, многие не знают. Это граница, которая была по договоренности Сталина с Гитлером установлена 17 сентября 1939 года. Фактически в этот день.

Я должен сделать отступление, и рассказать немного об этом. До призыва в армию я жил в городке, в пятидесяти ки-

лометрах от старой границы, той, которая была до 1939 года. И поскольку мы были близко, то, когда в последних числах августа 1939 года мы узнали, что Сталин и Гитлер заключили между собой договор о дружбе, то все были просто потрясены. Никто ничего не понимал.

Потому что до этого вся пропаганда... и все знали только одно: фашисты захватили власть в Германии, они уничтожают там пролетариат и коммунистов, они уничтожают там евреев. Об этом же наши газеты во всю писали, в таком ключе. И вдруг нам объявляют, что вот с этим самым Гитлером мы заключаем договор, в очень приличных фразах, а Молотов даже в каких-то хвалебных.

И вот, через несколько дней после этого сообщения, 1 сентября 1939 года, началась Вторая Мировая война. Ее начали Сталин и Гитлер в этот день, по сговору. И все поняли, что мы в трагическом положении.

Но поскольку раньше, на маневрах, мы видели, как мимо нашего городка проходили огромные массы войск, над нами летали десятки самолетов, сбрасывались десанты, то мы все были уверены (как тогда была такая песня: «если завтра война, то на вражьей земле мы врага разобьем, малой кровью, могучим ударом», а потом была книга Николая Шпанова «Первый удар», по которой мы в первые же дни уже шли наступать на Берлин), в своей быстрой победе. И вдруг нас вот так огорошили.

Вот как все это начиналось. А я попал в армию по неве-

роятному стечению обстоятельств. Судьбоносным для меня было одно утро, это было 24 мая 1941 года. Я был учителем сельской школы уже второй год. И к 1941 году я преподавал там математику.

Но мне достался седьмой, выпускной, класс, в котором не все знали таблицу умножения. Вот так в этом колхозе учили детей. И я их «по наследству» получил. Почему я согласился? Потому что я был студентом-заочником учительского института, физмата, и потому что надо было зарабатывать.

А зарабатывать мне надо было потому, что в 1937 году, когда моего отца по доносу арестовали, и, как я потом из реабилитационного дела узнал, в январе 1938 года его замучили в тюрьме, то осталась единственно работающая мать. И на ней четыре иждивенца: трое детей, включая меня, и бабушка.

Как только я окончил десятый класс, то сразу пошел работать. Кем я мог работать? Казалось бы, а какой я учитель? А ведь на село идти учителями никто не хотел, и меня взяли.

И вот 24 мая 1941 года я принимал экзамен по математике. Я был воспитан так, что надо быть честным, обманывать нельзя. Но, правда, сомнения были, но мне девятнадцать лет было. И возникла ситуация, что задач решить никто не может, класс выпускной. Директор мне говорит: «Борис Акимович, подскажи им!» А я не подсказываю.

Ну не хотел я им подсказывать, хотя теперь понимаю, что надо было подсказать. Ну что этим колхозникам, которые

кончат семь классов и будут в колхозе вкалывать (они там с детства вкалывали), зачем им система уравнений с двумя неизвестными? А ведь такие задачи были.

Час проходит, два. Директор беспокоится. В Украине еще не было случая, чтобы в какой-нибудь школе не было выпускка. Он позвонил куда следует, наверное, в райком, и вдруг я слышу, как моя сестричка кричит мне в открытое окно. Я подхожу, а она машет бумажкой. Это была повестка в военкомат.

И меня срочно призвали в армию. Я имел отсрочку как учитель, но все, и в тот же день меня отправили. А как только меня убрали, тут же вызвали другого учителя из района. Он им подсказал и дальше все было хорошо. Хотя тогда я этого не знал.

И вот это решило мою судьбу. Почему? А потому, что если бы меня тогда не призвали в армию, то, когда началась война и вскоре фашисты пришли в наш городок, то вместе с матерью и сестрами они и меня бы расстреляли. Вот так «случайно» все повернулось.

24 мая меня призвали, через несколько дней мы были на границе, нас обмундировали, вооружили. А место это было такое. Польский город Ковель был недалеко от советско-польской границы. За ним райцентр Любомль, он у самой границы, а мы за Любомлем уже, совсем на границе. Вот где все это было.

И когда мы отходили, то мы отходили как раз обратно

в этот Ковель, где еще были наши зенитки, вели огонь по немецким самолетам. Но, как всегда, ничего не сбивали. Я могу сразу сказать, что на всем пути до Киева мы не видели ни одного сбитого немецкого самолета. А наших самолетов мы вообще не видели. Ни одного.

Они, видимо, где-то были. Я же читал воспоминания. Но на том пути, где я шел, ни одного не было. И мы поняли, почему. Потому что через несколько дней мы шли мимо нашего разгромленного полевого аэродрома. Все самолеты были сожжены и там бродил только один летчик, потерянный.

А наш командир роты, Смирнов, спрашивает у него:

– Чего же вы не взлетели?

Он говорит:

– А бензина-то не было! Да и потом, половина летчиков на выходные была в отгуле, ведь войны же не будет!

Наш батальон в первые дни войны понес большие потери. Но особенно большие потери он понес в так называемом Симаховском лесу, недалеко от райцентра Емільчино. Мы оказались на пересечении двух магистральных дорог. А в этом «кресте» находился большой сосновый лес. Он был весь напичкан войсками, когда мы туда подошли. По дорогам шли пушки, танки. И мы вступили в этот лес.

И как только мы в него вступили, налетела немецкая авиация, пикирующие бомбардировщики. Была страшная бомбежка. Истребителей и зениток нет. Как расстрел. И все там уничтожили, как могли. И половины нашей роты не стало.

А раненные какие были!

У нас был такой санинструктор из Киева, еврей молодой. Ему ногу раз и все, и он тут же умер от шока. Вот такие картины. Другой бежит мне навстречу, а у него из груди торчит обрубок чего-то сантиметров сорока. Ему все кричат: «ложись!» Человек беспмятствует... А почему ложись? Чтобы не демаскировать, что мы здесь есть. Затаились в кустах. Вот такие картинки были.

И с этого началось уничтожение нашего батальона уже фундаментальное, без всякого боя. И нас перебросили по железной дороге на старую границу, которая была до 1939 года. Она была сильно укреплена. Вот мой городок тоже входил в укрепрайон. Там годами строили подземные бетонные сооружения, к ним подводили шоссе. В некоторых местах железную дорогу вели прямо под землю.

Так вот. Когда заключили договор 1939 года, мы пришли, а мы думали: вот дойдем до старой границы (потому что мы ждали, что основные силы подойдут, а их нет, мы не понимали что такое), а они, эти сооружения, пустые. Там не было ничего, никакого вооружения.

Я потом уже читал воспоминания очень авторитетного инженера, полковника Старинова, которого потом называли «диверсант номер один» (он описан Хемингуэем в книге «По ком звонит колокол», это тот подрывник, который там описан), и вот, мне пришлось с ним познакомиться, потому что нас там и подрывному делу учили.

И вот он описал, что был в панике, когда узнал, что Сталин велел демонтировать всю старую границу. Не только демонтировать, но и даже разгромить все партизанские базы, создаваемые накануне. Почему? Чтобы в случае чего, не отступали. А задача была взять Берлин, это понятно. И вот как это все получилось.

И когда мы подошли к этой старой границе, то получилось так: мы слышим, что канонада звучит южнее и левее нас, вглубь. А мы все-таки заняли оборону.

Я тогда был наивным, я не понимал, а где же германские пролетарии? Этот передовой отряд, где он? А вот они – из автоматов в нас стреляют. Мы не понимали, как так произошло быстро, что вдруг так случилось. А случилось точно так же, как у нас. Молодежь, ее как воспитывали два-три года, так она и стала. И мы такие же были.

И я все думал об этом. Но колхозники об этом не думали, потому что они были старше меня и умнее. Это я так, студент, думал. Я помню в ночь с 3-го на 4-ое июля мы столбы, по которым вьется хмель, такие, наклонные, спиливали и устраивали из них надолбы против танков. Нам говорили под каким углом, и мы их вкапывали. Этой ночью мы готовились к танковой немецкой атаке.

И вдруг я слышу, как с шоссе, издалека кричат:

– Любарские есть?

Ну, я Любарский, говорю:

– Есть!

Подхожу:

– Привет!

А это мой одноклассник. Сидит верхом на лошади, сзади прицеплено орудие. Я говорю:

– Яшка, ты что?

– А вот, я в артиллерии. А знаешь, кто у нас командир?

Я говорю:

– Кто?

– Директор еврейской школы, Волошин. Вон он, впереди.

И тут меня сразу позвали.

Мы там долго вели оборону, и мы потом только узнали, что немцы южнее уже на сотни километров продвинулись и подошли к самому Киеву. Мы не понимали, что происходит. Там была разгромлена наша 6-ая армия, а мы входили в 5-ую. Вот так все это происходило. Я не буду рассказывать подробности, потому что оказалось, что, когда мы с этого места отступили, нас посадили на автомобили, ЗИСы а половина уже была новых у нас, в батальоне. И было уже не восемьсот человек.

И на машинах нас перебросили в Киев, потому что нужно было оборонять Киев. И тогда я впервые услышал фамилию генерала Власова, который руководил обороной Киева.

И нас привезли в Киев, в самый центр. Картина неопишутая: мы все в лохмотьях, с иностранными винтовками, грязные все, закопченные идем по Киеву, а город в расцвете. Его улицы полны народа, все красиво, замечательно, идет бой-

кая торговля.

А мы идем в таком вот виде. И слышим, как мальчишки говорят: «партизаны идут!», а партизан тогда еще вообще не было. Потому что партизанское движение было разгромлено до войны.

Потом нас помыли, убрали вшивость, переодели в новое обмундирование. И это были не шинели, а бушлаты, и у каждого на правом рукаве бушлата была красная звезда. Потом думали, что это батальон комиссаров идет (*смеется*). Не знаю, почему.

Короче говоря, в этом Киеве мы, как строительный батальон, стали строить оборону. В центре Киева, для баррикадных боев. И впервые я увидел советские самолеты, истребители, над Киевом. И мы кричали: «ура!», потому что думали, что их уже не осталось. А тут были.

И при нас немцы бомбили мосты. Но они ни разу не попали, все мимо. И там были зенитки, все это было.

Побыли мы там, построили, и нас перебросили через Днепр, на ту сторону, в город Ромны, чтобы строить круговую оборону этого города. Видно, было им уже понятно, что придется и на том берегу воевать.

И мы там строили так называемые дзоты. Они были оснащены всем этим строительным материалом: скобами железными, бревнами. И мы построили круговую оборону этого города.

Задача выполнена, и нас обратно на берег Днепра. Это уже

был сентябрь. И нашей роте велели на отвесном берегу Днепра ночью, незаметно для немцев, сделать наблюдательный пункт. Прямо в середине отвесного берега сделать, замаскировать, и к рассвету вернуться наверх. А на той стороне уже были немцы. Там был город Кременчуг. Нам было видно, что он весь горел, непонятно, что там творилось. А когда нас перебрасывали, то мы опять ехали на машинах.

И по пути мы видели, что все села были сожжены, в садах яблоки и сливы печеные висят. А на грядке помидоры такие же. Я помню, взял помидор – половина его сгорела, а другую половину я сунул в рот на ходу. А это еще было нашей территорией тогда.

И вот, мы поднимаемся наверх, в кукурузное поле. Над нами итальянские самолеты с желтыми кругами летают, но не поймут, есть там кто в кукурузе или нет, стреляют наугад. И вдруг, нам команда – от Днепра уходить. И мы слышим, где-то на севере невероятная канонада, что-то невероятное идет. Мы не понимаем, что такое. А нас ведут не туда, а перпендикулярно: на восток от Днепра.

Подвозят к маленькой станции, сажают нас всех в эшелон и повезли. И вдруг я читаю на станции: «Полтава». Что такое? Значит, увозят нас. Это были дни, когда немцы весь украинский фронт, севернее нас, окружили, несколько армий, шестьсот тысяч человек, как потом писали. Все обошли и окружили, отрезали танковыми клиньями, а мы оказались южнее.

И нас увезли в Харьков. Подъезжаем к Харькову, еще семьдесят километров до Харькова, а видно над ним невероятный огонь, зенитки бьют. Далеко-далеко видно. Подъезжаем к городу ночью, – его бомбят. То мы все-таки в лесу и в поле были, думали, что их уже нет, а в каменный город приехали – ужас! Население мечется, бомбы падают, зенитки бьют, всюду жертвы.

Нас провезли через этот город, накормили в первый раз и перебросили севернее Харькова. А в это время шли сильные дожди, чернозем распух, и нас привезли в большие леса. И этими лесами наш батальон пошел опять наступать.

Мы сначала не поняли, что происходит. Мы же ничего не знали, я был рядовым солдатом. Вернее, тогда не солдат, а боец Красной Армии назывался. Товарищи офицеры, командиры наши, ведут нас, и вдруг, мы натываемся в лесу на огромную поляну. Там несколько сот автомобилей, танкеток и танков немецких, гусеничные машины – все разбиты и разгромлены. А немцы все порублены.

Я не понимал, как порублены? А это наша кавалерия воспользовалась тем, что эта немецкая колонна завязла в черноземе, авиация не работает, потому что сплошная низкая облачность, бомбят наугад.

Это было первый раз, когда я увидел, что мы наступаем, что немцы разбиты. Мы вдохновились, и вперед. И вот я помню, 5 октября ударил мороз, редкое явление на Украине. Повалил снег, мороз все сковал. А потом снег кончил-

ся, небо прояснилось, и пожалуйста, – немецкие самолеты. И я слышу по звукам, я уже понимал, что мы втянулись в какую-то «кишку». Впереди нас, слева и справа канонада, а мы наступаем.

И так мы наступали и подошли к городу Сумы, областной город. И были морозы, а мы в летнем обмундировании. Я помню, что мы пилотки свои поыворачивали, чтобы уши закрыть. И нас стали отводить. Немцы стали бомбить и от нашего батальона осталось человек, может быть, сто двадцать всего. А из роты человек двадцать.

И вот в таком виде нас отводили, отводили и увели от фронта в Белгородскую область. А потом объявили, что мы отходим на формировку. И вот на эту формировку мы шли до Нового года. С 5 октября. Пешком до Саратова.

Ну, что там было по пути я рассказывать не буду, невероятные вещи были всякие, бытовые. Потому что гнали скот. Население не вывозили, а скот вывозили. И только один эпизод я вам расскажу. Я возвращаюсь назад. Когда еще нас перебросили к Киеву, то мы вдруг на шоссе увидели командира из нашего военкомата, по фамилии Чуб.

И что оказалось? Это мы еще у Емильчино видели. Всюду советская власть убегала раньше, чем войска. Все бросали. Но не бросали складов. Значит, те грузовики, которые были, мою мать с детьми, мать воина Красной Армии, вывезти не могли, а вот этот Чуб, мы смотрим – рядом его жена и огромный фикус в грузовике. Вот как раз бы мои помести-

лись туда!

И таких, как этот Чуб, было много. Мать моя была у нас знаменитая учительница, она еще на Гражданской войне была медсестрой. И отец тоже учитель. Но отца уже не было. Короче говоря, увидел я вот этот фикус, и был очень зол.

Когда под Новый год мы пришли в Саратов, опять было невероятное потрясение. Мы шли через республику немцев Поволжья. И мы не понимали, куда мы попали. Прекрасные дома, прекрасные хозяйства, полно замечательных коров, стада, гуси, все!

Мы не понимали, что это такое. Мы не знали, что есть такая республика. А перед этим, за пять километров, было русское село. Там ни кола, ни двора. Одни дома черные, и ни ограды, ни деревца. А тут все усажено, прекрасные хозяйства. Ничего не понимаем.

Ну, нам местные объяснили, что всех немцев поголовно, включая и партийное начальство, невзирая на лица, за двое-трое суток всех выселили как потенциальных врагов. Якобы немцы туда десанты сбрасывали. А уже командир нам объяснял, что да, десанты были. Но местные жители утверждали, что никаких десантов не было.

Наконец, пришли мы в Саратов. И первое, что мы увидели... нас послали скалывать на путях лед, пока переформируют. И патрулями ходили по улицам Саратова. По центру, по улице Чернышевского. Идем по одной стороне улицы. Нам говорят: «по той стороне поляки, с ними не общай-

тесь!»

Смотрю – «попугайская форма». Мы во всем сером, а там «конфедератки», погоны, которые, как мы считали, только у врагов. Это было польское войско Андерса, как потом мы узнали. Вот такое было впечатление.

И это войско прошло через Иран в Африку, а оттуда в Италию. И вот, знаменитый Монте-Кассино, там была битва, где эта армия показала себя. Больше, чем половина ее погибла там, но они взяли это Монте-Кассино, и тогда пошли уже они через Италию дальше, на север.

У поляков это Монте-Кассино играло очень важное значение. Есть такая песня: «Красные маки Монте-Кассино». И вместе вот с этой армией Андерса разрешено было взять поляков, которых мы взяли в плен. Они записывались все, даже полуслепые, лишь бы выбраться из Советского Союза. Потому что они как на каторге здесь были. И среди них был тот, кто стал потом президентом Израиля.

А почему через Иран они пошли? Потому что половина Ирана по договоренности была оккупирована нашими войсками, а вторая половина английскими. Чтобы немцы не вошли. И уже после войны там были. И вот, наш завод, ГАЗ, получал по Ленд-Лизу автомобили в разобранном виде как раз через Иран. Привозили в разобранном виде, а в Горьком уже собирали десятки тысяч «Студебеккеров», «Доджей» и «Фордов».

И в феврале 1942 года нас перестроили, одели в но-

вое «с иголки» обмундирование. Зимняя форма, рукавицы с «одним пальцем». А морозы тогда стояли под сорок градусов. И пошли мы. Шли всю дорогу только ночами, а днем отсыпались у местных жителей. Но это целая история, я не буду рассказывать. Потому что нас сформировали, посадили в эшелон. В «телячьи» вагоны. В центре вагона железная печка, нары. И очень быстро привезли на фронт. В Воронежскую область, в Касторное.

Это начало февраля, снег, нас всех выгрузили. Больше половины батальона уже была из новых, но и много было еще тех, с кем я начинал. Приезжаем, и нам говорят: «разбирайте каждый помещения!»

А почему? Потому что жителей нет, все убежали и дома стояли пустые. Нам досталось какое-то помещение. Мы туда входим. Что такое? Дверь заперта. Сорвали замок, а комната на метр в высоту набита трупами убитых. И нам пришлось их всех вытаскивать и занимать это место.

И я помню, 23 февраля мы еще там были, День Красной Армии. И в армейской газете было напечатано выступление Рузвельта. Я его запомнил. Он объяснял, почему демократические страны всегда проигрывают войны. Потому что у фашистов нет никаких ограничений, они считают, что можно творить что угодно и использовать любые средства. А слабость их, демократов, в том, что они даже в этих условиях должны были проявлять человечность.

Ну, нам это читать было смешно, но он так в этом всех

убеждал. Поэтому у фашистов было преимущество. А преимущество американцев было в том, он писал, что они экономически сильнее. Они помогут Ленд-Лизом, и на просторы Советского Союза будут переброшены заводы.

И вот, когда мы там оказались, то мы поняли, что Ленд-Лиз уже действует. Мы уже увидели американские машины. Там мы были недолго и нас в марте перебросили на юг, в Харьковскую область. Там организовалось огромное наступление.

Наш строительный батальон строил там десятки дзотов, минировали. Все это подготовили и пошли в огромное наступление. Это наступление было уже в конце апреля – начале мая. И наши войска очень быстро продвигались. Немцы отступали. И когда продвинулись совсем далеко, они отрезали. И опять сотни тысяч пленных.

И опять наш батальон не попал в этот «котел». Почему? Во-первых, мы были строителями. А это значит, что мы не в самом авангарде были. Мы построим, и назад отходим. Я лежал в это время в госпитале. Прибегает туда наш боец, и говорит мне:

– Борис, командир сказал срочно уходить!

– Почему?

– Мы отходим!

Я говорю:

– Так я же в нательном белье. А потом, у меня нет противогаза.

А за противогаз тогда спрашивали, как за оружие. Но оружие сдал, а противогаз с собой.

— Да какой противогаз? Найдем потом. Беги вот так, в чем есть!

Это было летом, я прибежал, меня обмундировали, противогаз простили. И мы стали отходить. И отходили мы в сторону Сталинграда. Началось отступление. И вдруг, мы узнаем, что немецкие танки из Воронежа уже на сотни километров по степи продвинулись.

А мы отходим. Никаких танков я не вижу, неизвестно где они. И нам дали задание. Там поперек нашего пути было очень много речушек. И мы должны были минировать мостики через них, отходить на ту сторону, и как только покажутся немецкие танки, взрывать мостики.

Неважно, что на том берегу еще находятся наши войска. Взрывать, и все. Вот так мы стали отступать. 7 июля нам объявили, что теперь мы находимся не в составе Юго-Западного, а в составе Сталинградского фронта. Приехал Рокоссовский, о нем уже слава ходила между нами: что вроде заботится о бойцах, и что умный. Но я его не видел.

И мы подошли к Дону. На том берегу станица Вешенская, нам показали, в каком доме жил Шолохов. На этой стороне так называемые Баски. Переправа, которая вся была забита переправлявшимися машинами. И нам было велено занимать оборону на том берегу. А немцев еще нет.

Вдруг прилетают несколько десятков «Юнкерсов», пики-

рующие, и в этот раз они в переправу с первого захода попали. Вот насколько в Киеве они никак не могли попасть, такая же цель, тут они разорвали переправу, все с нее посыпалось.

Нам было велено с машин слезть, они должны были идти в обход. А мы должны были здесь форсировать. А я плавать не умел.

Вообще-то я рос ребенком хилым, меня мама еле выходила, я был «дохлым». Не зря на той каторге я чуть не умер. И еще плавать не умел. Такой вот был боец.

Но мы строители. Леса нет, из чего плоты делать? Посрывали все ворота, все, что только могли деревянного, взяли, тут же сколотили плоты. Потом съездили на тот берег на лодке, натянули трос, и стали переправляться. А Дон весь кипит от разрывов. Теперь нас еще и из пулеметов обстреливали.

Мы переправились. И таких, как мы, переправлялись сотни. Были задействованы все лодки. И вот по такой переправе мы переправились 10 июля 1942 года. И на середине Дона в наш плот попало, срезало ноги бойцу сидящему, он упал в воду. А мы все-таки переправились.

По Дону рыбы полно брюхом кверху. Казачки под огнем ловят эту рыбу, не боятся! Когда мы переправились, то нас провели как раз мимо дома Шолохова, чтобы занимать позицию.

Угол отбит, и казачка говорит:

– Только что убили мать Шолохова.

Я спрашиваю:

– А Шолохов где?

Она говорит:

– А он увез семью в тыл, на хутор Гороховский.

Вот так мы оказались в знаменитой Вешенской и заняли оборону по тому берегу. И с той стороны, южнее, ночью переправились обратно на другой берег и заняли плацдарм. А немцы ночью пытались скрытно переплыть и нас вырезать. Нам было сказано: «не стрелять!» Темень полная, никакого света нет, что там происходит, в камышах, совершенно непонятно.

Но у них не получилось, а мы переправились. И так появился плацдарм, который немцы так и не заняли до конца Сталинградской битвы. И вот с него и началось наступление. Потом уже.

А здесь мы оборонялись... у меня справка такая: «участник обороны Сталинграда в течение 48 дней». А почему 48 дней? Потому что я был контужен и меня отправили в тыл. Но не просто куда-нибудь, а на курсы радистов.

Это потеря была невероятная. Наш лейтенант Шапиро, в прошлом журналист, с черными роговыми очками, говорит тем, кого отобрали на курсы радистов, кто был со средним образованием из наших (а у меня еще два курса института было):

– Так, раздевайтесь догола в хате. Вот вам перетрум (это такое растение как ромашка мелкая), натирайте все швы изнутри перетрумом, а то вши заедят!

Мы говорим:

– Какие вши?

– Так вас же повезут по Волге на барже. Увидите, что такое. Набивайте все, что можете, мешки там свои, картошкой. Копайте прям в огородах, любые припасы создавайте, воруйте. Потому что кормить не будут.

Все он точно сказал. И вот нашу команду, кто в радисты, повели в сторону Камышина, на Волге. Ну, тут слышна канонада, и самолеты немецкие летают. Неважно. Нас ведут. И помню, как нас на огороде разместили, это была бахча. Больше я арбузов не ел никогда (*смеется*).

Рядом был наш аэродром, летчики были, все пластинку заводи́ли: «осень, прозрачное утро!», я это запомнил. И погрузили нас на баржи. Маленький буксир, за ним три огромнейшие деревянные баржи, и нас туда грузят. Таких, как мы, на барже было, наверное, человек тысяча. И что главное, что у немцев абсолютно исключалось: никакого деления на подразделения не было. Не было ни роты, ни взвода, ни отделения. Толпа, везут на формирование.

Бедный лейтенант бегал с наганом, говорит:

– Что ж вы делаете?!

А мы прямо на смоляной палубе костер разложили и печем картошку. Потому что нас не кормят. А мы спрашиваем:

– А кормить-то нас будут?

– Какое там кормить! Вы видите, что над Сталинградом?! Какой столб черный стоит! Какая тут кормежка? Вот приве-

зем в Саратов, там накормим.

А они же ползли против течения, эти баржи. Второй проблемой было курево. Хорошо, что тогда я еще не курил. Позже начал. А это для курящего мучительно, когда курева нет. Человек даже в голод так не страдает, как от отсутствия курева.

И шел обмен – у кого что есть. А у нас картошка-то есть. Меняем на пшено и варим картошку с пшеном. И так нашу баржу тащили я не помню, сколько часов. И вдруг на берегу около села толпится народ. А с палубы нашей уже кричат: «лодку!»

И что вы думаете? Поплыли десятки лодок. В эти лодки садится народ, дезертирует туда, в эти села. Командир, этот лейтенант, опять бегаёт с наганом. А что он может сделать?

Вот так мы ехали, и когда приехали в Саратов, все эти беглецы догадались: пришли в местные военкоматы. И их в Саратове посадили обратно на эти баржи.

А в Саратове нам вернули питание сухим пайком за все эти дни. Паяк был замечательным. Мы узнали, что такое американские консервы. Это же чудо было! Короче говоря, там устроили мощный базар, на барже. Почему? Из банок от консервов тут же стали делать ведерки, производство началось местное (*смеется*), и появилась курительная бумага, это был «Капитал» Маркса.

Вот в фильмах «Аты-баты, шли солдаты» и «Они сражались за Родину», в них правдиво все показано. И мы были в

том же самом месте, в той же самой сталинградской степи, что и в фильме «Они сражались за Родину». В этой степи летом никак нельзя было выдолбить что-то, такая там земля была каменная. Конечно, прекрасная степь. Я увидел чабрец, про который читал. Видел там казаков старых, которые были еще с лампасами. Мы только не знали, что на стороне немцев тоже казаки есть, из Европы приехали. Мы их не видели. В общем, я не буду дальше об этом говорить.

У нас каждая страница из «Капитала» Маркса обменивалась на большую сумму. Потому что курить все хотели. И больше такого почтения к этой книге я в жизни не видел.

Повезли нас по Волге дальше и привезли в город Инзу Ульяновской области. Там были громадные запасные полки. Это были курсы радистов. У нас проверили слух. У кого не было слуха, тех сразу убрали в телефонисты. У меня слух годился.

И первым делом нам старшина объяснил:

– Выкиньте из головы, что «Морзянка», это точки и тире. Никаких точек и тире, только «песенки»! Мотив.

И показал нам. Сначала цифры: ти-ти-ти-ти – это единица; ти-ти-ти – двойка... И так до ноля. Потому что шифровки все цифровые. Ну, а буквы очень сложно запоминать. Нас тренировали на это. И тренировки. А потом сдавали экзамены и после них присваивали класс. Я получил третий класс по приему, второй класс по передаче. Но главное был прием, конечно. Не дай Бог, ошибешься с цифрами, неизвестно что

там получится.

И нас стали готовить к отправке на фронт. Отправляли не всех сразу. У кого была лучше успеваемость, тех раньше. И вот, мой земляк, из моего Любарского района, колхозник, был отправлен раньше. А я ждал. Куда отправляют мы не знали.

И вдруг я получаю открытку, она у меня хранится до сих пор. От моего дяди, который воевал с 1939 года, непрерывно. То Финская, то поход в Польшу. Он был офицером. Я получаю от него открытку и ничего не понимаю. Так вот, тот радист попал случайно к нему в часть. А он всех новобранцев спрашивал:

– А нет ли кого из Житомирской области? А нет ли кого из Любарского района?

Тот говорит:

– Я.

– А вот у меня племянник...

– Как фамилия?

– Дегтяр.

– Так я же недавно с ним только расстался!

И впервые за войну я получил какую-то связь. Он прислал мне свою полевую почту. Но главное, он прислал мне адрес в Горьком, где жила моя тетя. Вот что прислал. Поэтому-то я здесь потом и оказался. Я эту открытку сберег. Я и тонул, и что только не было. В немецком плексигласовом конверте я держал ее со всеми своими документами. Со своей инсти-

тутской зачеткой и со всем.

А вскоре меня отправили и привезли опять в Сталинградскую битву. Опять все сначала. Но обмундирован я был уже не так, как раньше. Такого обмундирования я больше не видел. Подшлемник – тройная толстая вязка из натуральной шерсти. У меня снаружи оставались только глаза, а все остальное лицо было закрыто.

Дальше. Толстые ватные штаны, толстая ватная телогрейка. Причем штаны были очень высокими, на живот залазили и перекрывались телогрейкой. А поверх всего шинель. Ушанка хорошая на уши завязывалась, сверху каска. Вот в таком виде я попал на передовую. Мы были так близко к немцам, что слышали их разговоры.

Перед Новым, 1943 годом, я попал в 619-ый стрелковый полк 203-ей дивизии 3-ей гвардейской армии. Ее командующим был генерал Лелюшенко, знаменитый танкист в обороне Москвы был назначен командующим нашей стрелковой армией. Он «рвал и метал», ходил всегда в танкистской кожанке. Но замечательный был, конечно, командир.

У меня командир роты был моложе меня, командир батальона моложе меня. лейтенанты, которых досрочно после девятого класса выпустили.

В новогоднюю ночь с 1942 на 1943 год меня послали в боевое охранение. Мороз больше двадцати. Одеты мы были как я уже говорил. Но один дефект у меня был, я был в ботинках. Не хватило валенок. По опыту я выбирал ботинки

размером с запасом, ноги обматывал газетами, которые нам привозили комиссары. Но все-таки было сомнительно.

Командир посмотрел и говорит:

– Нет, дайте ему караульные валенки.

А это такие валенки, которые подходят всем, толстые. Я надел эти валенки и говорю:

– Я радист.

– Радистов не надо. Немцы по радистам бьют.

Вот такой был уровень радио. Некоторые утверждают, что наша армия к началу войны вся была оснащена радиостанциями. И приводят цифры, сколько было радиостанций. Да, так было в документальных отчетах. Но их не было совсем. Даже у танкистов. А у танкистов если и были, то только на прием. А он командиру не мог ничего сказать. Тоже самое было и в авиации, я потом встречал летчиков.

Так вот, сколько уже времени прошло до того времени, как я прибыл, с начала войны, а все еще была боязнь этих радиостанций. А у немцев с первого же часа была полная радиосвязь, происходила увязка действий всех видов войск.

А у нас первое время связи не было вообще никакой. Нет провода – все! И вот тут я, радист, мне говорят: «вот тебе катушка, вот тебе телефонный аппарат, и ползи в боевое охранение».

Ну, снега огромные были. Мы по ним подползли близко к немцам. Наблюдатель в бинокль стал наблюдать, и увидел, что идет тяжелый немецкий мотоциклет и на нем установлен

крупнокалиберный пулемет. Я об этом сообщаю в батальон. Говорю, что так и так.

Командир говорит:

– Разрешаю выпустить три мины.

Все мины были на счету. Боеприпасы не успевали подвозить. Выпускают мины, накрывают мотоцикл. Все, мне в личный счет записывают это. Это попало потом в книжку по истории нашей дивизии. Она у меня есть. И вот с этого я начал.

А мне потом мой сержант говорит:

– Больше двух недель не продержишься. Никто не выживает.

Я ему говорю:

– А ты?

– А я больше, потому что я сержант.

Я спрашиваю:

– А какая разница?

– А вот увидишь.

И в такой переделке я раньше никогда не бывал. И это мы наступали, это уже было наше наступление, когда окружали немцев и отрезали их. Под Новый год мы уже продвинулись довольно далеко. И вот в этих снегах, пока меня не подстрелили и не ранили, кроме мороза мы ничего не видели. На снегу в мороз.

На новом месте первым делом разгребаем снег. Второе. Берем кирки у саперов и долбим каждый ямку, окоп. При-

мерно по грудь, так, чтобы втиснуться туда в этой толстой шинели и во всем. Землю впереди себя выкидываешь, она замерзает в бруствер, и вот там ты сидишь.

Питание. Старшина на себе тащит термосы с горячим питанием. Потому что Рокоссовский сказал: «горячее чтоб было! У немцев есть, и у нас чтоб было, как хотите!»

А как хотели? Резали колхозных коров, варили мощный суп, заливали в термосы. И старшина в маскхалате на себе волок эти термосы в окопы и нам раздавал. А буханки хлеба... У немцев каждая буханочка была замотана в специальную фольгу. И хлеб такой, что не черствеет.

У нас обычная буханка, как камень. Ее можно было только рубить. И что делали? На саперную лопатку выливали весь жир из этого супа, снизу подкладывали немецкую спиртовку (а у них она была для разогревания консервов, такая раскладная коробочка, и в ней сухой спирт), которые у нас были в качестве трофеев. Лопатку греем, жир плавится. Туда крошим куски этого хлеба, он разогревается. И всю эту кашу в себя.

И еще одна интересная бытовая подробность. Следили за вшивостью. Двадцать градусов мороз. Нам притаскивают белье. Раздеваешься догола и меняешь белье.

Но самая главная подробность не в этом. А в том, что мы наступали по немецкому «морозному пути», который немцы протянули, как я потом понял, длиной в сто восемьдесят километров. Между Доном в том месте и ближайшей,

допустим, станцией железной дороги «Морозовская», никаких дорог не было. Тем более зимой. Потому что сугробы.

А немцы построили идеальную, с отдельными полосами и местами для переезда дорогу. Замечательно укатанную. И они ее каждый день поддерживали. Вдоль дороги были вешки большие. Через каждые десять вешек висит телефон. Радиотелефон с большой трубкой, и связь поддерживается.

И вот по этой дороге мы наступали. Пока не уперлись в одном месте в речку под названием Быстрая. Она была с крутыми обрывистыми берегами. Подходим к этой речке, устанавливают артиллерию, нас переправляют на ту сторону и там мы долбим себе вот эти ячейки, окопы.

Я вырыл себе этот окоп. Вижу в речке наш танк, который в ней все-таки утонул по башню. И вдруг мы слышим (а все это делали ночью), что был обрыв. Я пополз устранять обрыв. У немцев были специальные инструменты: кусачки там, нож для зачистки. А у нас ничего.

Я говорю:

– А как я обрыв зачищать буду?

– А ты этот провод под прицельную рамку карабина, и дерни.

Я говорю:

– Так я после этого попадать перестану.

– А здесь из карабинов не стреляют.

Я говорю:

– А зачем тогда мне карабин?

– Ну, на всякий случай.

Я говорю:

– Так рамка погнется!

– Чудак, ею откусить можно. Засунь провод, стукни сверху и откусит.

И вот когда я полз и чинил эти обрывы, думаю: «свой конец я держу в руке. А где тот конец?» А кругом снег и нужно быстрее наладить связь, потому что остались без связи. Нет связи с артиллерией.

Вот находишь... причем провод был стальным, не алюминиевый какой-нибудь или медный, как у немцев, да еще в красненькой обмотке пластилиновой, чтобы находить, а самый черный такой. Находишь, они колючие, у меня на пальцах гнойники были все время. Вяжешь этот узел, рубишь, все завязываешь, и обратно.

Так вот, когда в этих окопах мы сидели, то слышали ночью, что немцы греют свои танковые моторы, которых нам не было видно, но было слышно. И точно, утром немецкие танки пошли на нас. В нашем взводе было два ПТР и пушка сорок пять миллиметров, противотанковая.

ПТРы бьют по танкам. Я вижу на броне фиолетовые вспышки, а ничего эти танки не берет, броню не пробивает. А танки идут на нас на большой скорости, стреляют. А наша пушка, «сорокапятка», не стреляет непонятно почему.

А оказалось, что они испугались и от нее убежали. Они поняли так: если «сорокапятка» выстрелит, танк тут же в нее

выстрелит. И сдрейфили.

И вот, танки приближаются. Вдруг смотрю, один туркмен у нас был, отличный снайпер, большой, он начинает убегать. По нему немцы ведут огонь, у него шинель вся задралась, а он бежит. Потом, после боя оказалось, что в этой шинели десятки дырок, а он цел.

А вот рядом со мной в окопе был узбек, молодой парень в хромовых сапожках. Представляете себе? Узбек. Сержант говорит мне и еще одному солдату, мы были от него по обе стороны:

– Следите за узбеком!

Ну, мы хлопаем сапогами друг по другу, потому что ноги немеют, чтобы они не замерзли. А этот узбек все-таки замерз насмерть. И старшина его сапогами нас по каскам лупил за то, что не уследили.

И вот, танки приближаются. Один танк прямо на меня едет. Как нас учили, я пригнулся в окопе вниз, насколько мог, каску он не задел, прошел надо мной и пошел дальше, вглубь. И вдруг слышу, что шум какой-то не такой. Я посмотрел, а он начинает разворачиваться. И в этот момент его наша пушка 76 миллиметров раз, и подбила!

Остальные танкисты увидели, что там наш танк в реке внизу (а, значит, они перейти все равно не смогут), и повернули назад, стали уходить. Вот так это все выглядело. А в этот момент справа от нас пошли наши танки. Наши танки были выкрашены известкой в белый цвет. Но когда они въе-

хали в станицу, где черные избы, тут их как раз было хорошо видно.

Но их было много, «тридцать четверки», прорвались. И мы пошли за ними вперед. Это надо было выходить из окопа. А как выйти, когда кажется, что над тобой сплошные трассы. Как будто голову суешь вот в эту трассу. И надо решиться выпрыгнуть всем сразу.

Мы пошли в эту атаку, и по цепи передают: взяты Кисловодск и Минеральные Воды. Освобождены от немцев. Это можно установить дату. И вот так мы наступали. Ночью надо было успеть взять хутор Партизанский, еще на этой речке. И мы подошли к этому хутору, послали разведчика – не возвращается. Второго – нет. Третьего – нет.

Командир роты говорит мне:

– Дехтяр, ты на войне с первого дня. Вот скажи – что делать?

Я говорю:

– Слушай трубку.

А там полковник матом кроет.

– Почему застряли?! У вас задание взять этот хутор!..

Командир у меня спрашивает:

– Что делать?

Я говорю:

– А вы не отвечайте. Пусть думает, что обрыв.

Ну, вот я решился и говорю командиру:

– Пошлите меня в разведку.

– Так там же, наверное, засада!

Я говорю:

– Ну сами говорите, приказывайте!

– Нет, давай вместе.

И мы с ним пошли вдвоем. Подползаем ближе и ближе. Я думаю: «ну, сейчас зададут нам!» Тихо. Еще ближе подползаем. Слышим – гармошка играет. Еще ближе. Поют. Заглянули вниз, а этот хутор Партизанский в овраге, а там огни в домах. Спустились. Все предыдущие разведчики в первой избе сидят пьяные, и не вернулся ни один.

Ну, еще расскажу про свой последний сталинградский бой. Подошли мы к хутору Захаро-Обливский. А это уже Ростовская область. Потому что мы шли наперерез, чтобы выйти на Ростов, и все немецкие войска окружить на Кавказе. И нам сообщили, что наши танки прорвались, перерезали железную дорогу, захватили Тацинскую и Морозовскую, захватили эшелоны с новыми немецкими самолетами, и идут на Ростов.

Но у них кончается горючее, пехоты нет, поэтому догоняйте. И вот мы должны были их догнать. Мы подползаем к посадке на берегу речки. На речке лед, я со своей катушкой. И мы кубарем скатываемся на этот лед, а у меня катушка сваливается из станка. А я должен был быть неотлучно при командире роты.

И с каким-то невероятным усилием, не знаю как, я дернул, вскочил, догнал его на той стороне. А там немцы, идет бой.

Наша артиллерия бьет по немцам, мы продвигаемся. А я, согнувшись, бежал по канаве за командиром роты. Это огородная такая, дренажная канава.

И вдруг меня по спине: бам! Я носом ткнулся, ничего не понимаю. Но успел заметить автоматный огонь сбоку. И рыжего немца из избы. Немцы имели обыкновение в избе делать на печке амбразуру. Он лежит на печке, мы в поле, а он с печки стреляет по нам. Они на машинах быстро приезжают в село, занимают оборону. А мы пешком их догоняем.

И самая главная проблема, это были обрывы. Страшная вещь, конечно. Как его искать? В общем, меня там ранило, и я лежал в госпиталях. Мне ампутировали обмороженные пальцы попутно, кроме простреленной спины. Мне две операции делали. Потому что первый хирург меня жалел, ему же надо возратить на фронт, много нельзя отрезать.

Но попал я к одной молодой женщине, капитану, она кончила мединститут в нашем городе Горьком. Она говорит:

– Так у тебя рука никогда не заживет. Давай я тебе отрежу не только пальцы, но и глубже туда?

Я ей говорю:

– Ну, режьте.

Она сделала и через две недели стало затягиваться. Меня выписали «под коркой». Это значит, что если заживет, то хорошо, отчет хороший, а если не заживет, то вернут в другой госпиталь. Ну, пока я был по пересылкам, зажило. Я в госпитале переписку начал. Потому что по той открытке пе-

реписки не было, я же на фронте был.

А тут я дал о себе знать. Сфотографировался в госпитале, и послал. Они меня хоть увидели, какой я, а то не видели много лет.

Потом я снова попал на формировку, и записался в стрелки-радисты на ИЛ-2. Потому что я слышал, что там шоколадом кормят, а убьют, так и в пехоте убивают. И я пошел на комиссию. Но знал, что когда меня брали в армию, то написали: «годен, в очках».

И я не пошел к «глазнику», а всех других врачей проходил. Потом меня укачивало. Прошел эту укачку. Но к «глазнику» надо, у меня же карта на руках. Пришел, а «глазник» – бабушка старенькая. Она меня спрашивает:

- А почему же вы вовремя не пришли?
- Я у других врачей задержался.
- Так, хорошо, садитесь. Какая в той строке буква?... Да вы что, милый? Обманщик! Вы же не видите!

Я говорю:

- Но половину-то я вижу!
- Половину?! Вы же стрелок-радист, должны попадать!
- А я в очках буду.
- Это только немцы в очках. У нас хватает зрячих (*смеется*).

Я ей говорю:

- Да не хочу я в пехоту!
- Это ваше дело.

Ну, и попал я в пехоту, конечно. Но тогда был приказ Сталина использовать строго по специальности. И я был радистом.

Нас привезли в Москву, и я впервые увидел издалека станцию метро. А внутрь я попасть не мог, потому что отстанешь от эшелона.

Везли нас через разрушенные Великие Луки. Ноль. Пустыня. Один бурьян. Через Ржев – ничего не осталось. И так привезли в Белоруссию, в большие болота под Витебском, и стали готовить к наступлению.

Когда я был в лагере, перед отправкой на передовую, меня встретил один капитан с бородкой, красивый такой. Он меня спросил:

– Кто вы? Откуда?

Я ему говорю:

– Что вы меня спрашиваете? Я же ничего не знаю.

Вижу, а у него на петлицах «химические войска». Я ему рассказал. Он мне говорит:

– Вы удивительно похожи на моего брата, который пропал без вести. Я не знаю, жив ли он. Давайте я вас запрошу в свою химическую часть. Вы были ранены?

– Да. – Я ему рассказал.

– Да что вы! Мало того, что у вас всех родственников расстреляли немцы...

А я получил бумажку, что ваши родители и все население было уничтожено.

И я подумал, а я уже сдружился с теми, с кем ехал. Это очень важно на фронте. Все ребята моложе меня, хорошие. И я говорю капитану:

– Нет, не пойду.

– Ну как же так?!

– Не пойду.

И я приехал в эти землянки на болоте. И 22 июня 1944 года началось наступление, которое теперь называют операцией «Багратион». Наш стрелковый корпус генерала Васильева, Героя Советского Союза, я как радист, у меня радиостанция за плечами восемь килограммов. Мой напарник аккумулятор восьмикилограммовый несет. Мы связаны с ним кабелем и проволокой, чтобы кабель не натянулся. И ведем связь.

Это впервые радисты стали работать. Начальник связи корпуса был категорически против. Он считал, что это ненадежно, немцы засекают.

Мы удачно пошли в наступление, а телефон тянуть не успевают. Перешли на радио. А начальник радиокорпуса, инженер высшей квалификации майор Брук, все поставил, и мы наступали до самого моря. Я работал этим радистом.

И когда мы вышли к морю, то отрезали немцев в Прибалтике. И мы до последнего не понимали, почему немцы оттуда не уходят. Наши уже к Берлину подходили. Бои были очень жестокие, кровавые. Я был еще раз ранен. Моя напарница-радистка была убита, ей череп снесло. Командир наше-

го взвода был убит.

Один радист был ранен. Его очередь дежурить. Ему перевязали голову. Он сидел на траве и работал. Мимо него ехал генерал, увидел его, послал к нему шофера. Тот его записал и ему пришел орден Славы. За то, что, будучи ранен, не покинул поле боя.

А на меня подавали на медаль «За Отвагу». Так в приказе написали (у меня он сохранился), что за отвагу наградить орденом «Красной Звезды» (*смеется*).

Но мы не могли взять Мемель, это немецкая морская крепость. Наш корпус не сумел взять. Потому что с моря подошли немецкие корабли и из крупнокалиберных пушек как начали по нам бить. А укрепления были страшные. И вот, я помню картину: летит 81 наш самолет «Ту-2». По девять самолетов заходят, пикируют.

Там невероятные взрыва, взрываются, наверное, пороховые погреба. И после этого немцы ни шагу назад. Так и не смогли взять. Пришлось обходить со стороны Кенигсберга. А мы уже попали в Восточную Пруссию, это особый рассказ, там много интересного было.

И вот война закончилась. Нам официально сообщили, что немцев сдалось сто девяносто тысяч. 9 мая мимо нас проходили колонны немцев. В строю, впереди офицеры с холодным оружием. И они были совершенно непохожи на тех пленных, которых я видел под Сталинградом.

Там были километровые колонны полузамерзших, гряз-

ных, еле идущих немцев. А уж про итальянцев и румын и говорить нечего. Это была тогда потрясающая картина.

А 9 мая их отправляли в плен. Они бросали оружие. Горы оружия были. Мы брали это оружие и стреляли в воздух. А потом нас отправили в Ашхабад, откуда я демобилизовался. Для меня эта война кончилась...

И еще, в заключение я хотел бы сказать, я считаю это очень важным. Если бы не Ленд-Лиз, мы бы войну не выиграли, несмотря на совершенно неоправданные многомиллионные жертвы. В истории мировых войн не было такой, как Сталинградская битва.

В ней погибло более двух миллионов наших людей. Теперь уже есть такие цифры. В ней погибло все население города, потому что Сталин приказал из города переправлять только скот, а жителей не переправлять. И они до последнего работали на Тракторном и других заводах. А то бы ничего не вышло.

Так вот. Без «Студебеккеров» на конной тяге наша артиллерия ничего бы не смогла сделать. На самая интересная деталь – это «Катюши». Они хорошо стреляли только со «Студебеккеров». Пробовали с наших «ЗИЛов», ничего не выходило, было рассеивание. Нет жесткости.

А «Студебеккеры» американцами были созданы специально для войны. И на них «Катюши» только и воевали. И второе. Все «Катюши» стреляли только на американском порохе. Потому что наши пороховые заводы погибли на Укра-

ине. А тот порох, который восстанавливали, уже был более низкого качества. Так что без американского пороха и «Студебеккеров» войны бы нам не выиграть.

А то, что без наших миллионных жертв неслыханных, ее бы тоже нельзя было выиграть, это тоже правда. Вот как можно разрешить это противоречие. Потому что гибли почти поголовно только наши люди. У них таких потерь не было, они очень жалели своих людей».

Светлая память герою, умершему 6 февраля 2012 года.

Рассказ второй

Галимов Ахмет Галимович (родился 21.06.1926 г.)

(Россия, Челябинская область)

Рассказ фронтовика записан в мае 2016 года

«Я – уроженец Челябинской области, Кунашакского района, село Курманово. Родился я 21 июня 1926 года в семье крестьянина-бедняка, где нас было восемь детей. Отец умер рано, мать жила долго, до ста лет дожила.

Когда началась война, я еще был, как говорится, «дите войны». Дома нас осталось трое братьев: старший, средний и младший, то есть я. Старший с 1917 года, средний с 1920 года, и я с 1926 года.

В первый день войны я был в дороге на Челябинск. Брата прямо с поля вместе с трактором направили на фронт. На другой день я вернулся в деревню. Там стояла угнетающая

тишина. Кругом все плакали: дети, бабушки, женщины. Это был беспокойный день, все в этот день плакали. И уже машина за машиной отправляли людей на фронт.

Через три дня нас, ребят-подростков, собрали в школе. Сказали: «ребята, учеба ваша прекращается. Никакой учебы! Будем помогать фронту, работать будем. Вы заменяете ваших отцов и старших братьев».

Практически, к началу войны, мне тогда только пятнадцать стукнуло, я семь классов кончил, был готов к любым событиям. Потому что мой старший брат был не совсем грамотный, но очень хороший человек, знающий, он предупредил меня примерно за месяц до начала войны, чтобы я ко всему присматривался, все запоминал. Потому что, говорит, нас заберут скоро, война будет. А я ему возразил:

– Не может этого быть.

А он говорит:

– К сожалению, да. А нас заберут в первую очередь. И ты останешься за меня. Останетесь мать и ты, вдвоем.

А средний мой брат к этому времени уже служил на Дальнем Востоке. И действительно, где-то через неделю нас уже разделили по бригадам, и мы начали трудиться. Трудились, конечно, как все: сено косили, поля пололи, за скотом ухаживали, пасли его. В общем, вся деревенская работа легла нам на плечи.

А я уже был готов к взрослой жизни, потому что мой старший брат меня всему научил. Мне было десять лет, а я уже

трактор водил, пахал, сеял. Брат отдыхал, на охоту ходил, а я за него работал. И у меня все получалось. Сначала я работал на колесных тракторах, потом уже на гусеничных.

Короче говоря, я уже был готов. И вот, через неделю меня вызывает председатель: «замени брата, сядь за руль!» Куда тут денешься? Пришлось. И вот, на этих сельскохозяйственных тракторах: гусеничных и колесных я проработал до конца 1943 года.

Я не был лентяем. Вставал очень рано, работал допоздна, ночевал в полях. Короче говоря, мы были механизаторами и дневали-ночевали там. А отдыха у нас совершенно не было. Тут пошли палатки, в магазинах ничего не стало. Даже соли не было, чтобы приготовить пищу. И мы вынуждены были питаться несоленым варевом.

Но постепенно-постепенно где-то что-то покупали, где-то что-то продавали, меняли на соль. В общем, жизнь немножко наладилась. Первый год я работал в колхозе «Партизан». Я тракторист был на машинно-тракторной станции. Получал я двойную зарплату: часть зерном, а часть деньгами. И я удачно поработал и очень хорошо заработал.

Мы жили с матерью вдвоем, и в тот же год, осенью, я внес в фонд обороны семьдесят пять рублей. Мне привезли целую машину пшеницы, но я взял себе только два мешка, а остальное отдал в фонд обороны. Потому что везде писали, что надо помогать фронту, сдавать в фонд обороны.

И по итогу следующего, 1942 года, я уже был знаменитым.

Обо мне писали в газетах, в «Челябинском рабочем», и по итогам года меня премировали велосипедом. Пешком я уже не ходил, ездил на велосипеде. А в ненастные времена охотился с ружьем. Оно было хорошее, двуствольное, им меня тоже премировали за хорошую работу.

1943 год был очень удачный по климату, и мы получили замечательный урожай. Я получил в качестве премии полторы или две машины зерна. Большую часть я отправил в фонд обороны. И у матери был сундук. В каждой семье раньше были сундуки: маленький, средний и большой. Большой был как современный диван, высотой примерно сантиметров семьдесят. И мы всегда там зерно хранили.

Мать мне говорит: «давай заполним зерном этот сундук, и пока нам хватит. А остальное пусть везут на фронт». Так и сделали, сдали весь хлеб в фонд обороны. А деньгами мне дали около восьмисот рублей, и половину я тоже отдал в фонд обороны.

Ребят, моих одноклассников, забрали 8 ноября 1943 года, а меня 13-го. Ну, так группы комплектовали. Приходили в военкомат, конечно, все со своей одеждой. И я попал в Челябинское военное авиационное училище. Преподавателями там были раненые летчики – командиры, офицеры. И один из лейтенантов, когда с нами познакомился, сказал: «ребята, жаль мне вас! Очень жалею вас. Вот я был такой же, как и вы. Как вам помочь, я не знаю, но попытаюсь». Он говорит: «если вы попадете к нам в училище, через месяц вас

уже не будет. Смотрите сводки: по триста наших самолетов сбивают в день. А в каждом самолете по два-три человека. И от вас даже пыли не останется!»

И вот, он как-то нашел время, собрал нас. А мы еще основную комиссию не проходили: годный или негодный в летчики. И он втихаря нас собрал и сказал: «вот завтра у вас комиссия, первая комиссия. Будет центрифуга: тебя сажают в кресло, завязывают ремнями и сильно крутят, очень много оборотов. Потом мгновенно кресло останавливается и приказывают встать. Если ты встал и не упал, значит годен. Если упал – все, равновесия у тебя нет».

И таким образом, из двенадцати человек шестеро «отказались ехать в это училище». В том числе и я упал после этой центрифуги. Вторая комиссия была еще хитрее. Сидишь. Тебе командуют встать и идти по дорожке. Доходишь до середины дорожки, и она проваливается в бездну. Я шел, упал. Удачно упал, мягко. Мне командуют: «встать!»

Я встал, и только поставил левую ногу на землю, у меня закружилась голова и я упал. И вторую комиссию я тоже не прошел. Другие комиссии были не такие хитрые. В общем, нас не взяли в летчики. Из двенадцати человек восемь отправили в пехоту, в том числе и меня.

Дальше пошла учеба, подготовка на автоматчиков, минометчиков. Была краткая подготовка. Я попал в лагерь под Чебаркулем. Это были бывшие овощехранилища, они были пустыми. И их превратили в казармы. Длина такой казармы бы-

ла сто пятьдесят метров. Там было три отделения и в каждом отделении было по роте солдат, по сто человек. Матрасов не было, вернее, они были соломенные. И соломенные одеяла и подушки. Нам выдали старые шинели, ботинки больших размеров. Короче говоря, мы были там как заключенные.

И проходили военную подготовку как настоящие заключенные. Кормили нас очень плохо. Мы писали про это письма, я тоже писал. И вот, моя мать как-то сумела добраться до этого лагеря и привезти мне вещмешок с домашними припасами. И вот так нас наши родители поддерживали примерно полтора месяца.

За это время появились «слабосильные роты». Что это такое. А то, что люди не могли вставать, не могли одеваться и уже не могли идти. Это все от такого питания. А кого родители поддерживали, те могли заниматься: бегать, зарядкой заниматься.

А у других из восьмидесяти человек тридцать положили в больницу. Такое положение, конечно, было не нормальным. Мы, новобранцы, решили, что здесь какое-то вредительство, чтобы солдаты не попали на фронт. Собрались и решили, что нужно что-то предпринять.

И ночью, после отбоя, мы посовещались где-то около часа, и решили: или бежать на железнодорожную станцию и ехать на запад, или напишем письмо командованию, прямо Сталину. Судили-рядили и остановились на письме. А как отправить? Цензура-то не пропускала такие вещи.

И мы узнали, что завтра уходит маршевая рота на фронт. Мы написали письмо от руки химическим карандашом, запечатали в треугольник и передали одному бойцу, который шел с маршевой ротой на фронт. Удивительно, но письмо до Москвы дошло очень быстро, и через неделю к нам приехал генерал-майор с тремя офицерами.

В тот день, когда они приехали, мы были на стрельбище, стреляли из автоматов. Конечно, мы не знали, что такая комиссия приедет. Они к нам приехали, генерал поздоровался с нами и спрашивает:

– Ну как, ребята, отстреляли?

– Хорошо, товарищ генерал!

– Ну а все же, у кого отличная стрельба, пятерка, поднимите руку!

И около семидесяти процентов стреляли отлично. Генерал обрадовался, достает из кармана наше письмо в треугольнике и спрашивает:

– Кто написал вот это письмо? Это ваше письмо?

Ну кто же скажет, что это он написал? Конечно же, никто не сознался. Он говорит:

– Ну ладно, с цензурой у вас тоже правильно. А то, что здесь написано – все правильно! Мы уже разобрались. Вас кормили из рук вон плохо, пьянствовали тут.

А наш командир полка рядом с ним стоял. Он был без руки, полковник. И молчал, потому что сказать ему было нечего. И вот генерал говорит:

– С сегодняшнего дня вы все это обмундирование с себя снимите и вас переоденут. А сейчас идите обедать. После обеда мы с вами еще встретимся.

Мы пришли обедать в столовую. Заходим – е-мое, все деревянные столы и скамейки выбросили. Стоят настоящие столы, стулья, на столах большие «пузатые» кастрюли, из них пахнет так хорошо и приятно. Миски новые. Вот как хорошо поработали за одну ночь.

И вот, сели за стол. Впервые рисовую кашу с маслом поели. Впервые компот выпили. И впервые белый хлеб попробовали, целых двести граммов. И вот, после этого вышли, построились. Генерал говорит:

– Ну что, товарищи бойцы, обед понравился?

– Да, товарищ генерал!

– Наелись?

– Никак нет, товарищ генерал. (*Смеется*).

– Вот что, ребята. С сегодняшнего дня вас так, как сейчас, будут кормить две недели. А через две недели вас отправят маршевой ротой. Занимайтесь, не обижайтесь на командование! У вас тут было вредительство. А вашего начальника продовольствия мы расстреляли.

А кто-то говорит:

– Товарищ генерал, а почему без суда и следствия? Перед нами его надо было расстрелять!

– Правильно говоришь. Но мы не вытерпели такого издевательства перед вами. Я, – говорит, – сам лично взял его и

застрелил!

Но как? То ли правда, то ли нет. Может быть, и правда. Его же отстранили, может где-то там кокнули. Но, вот так.

И вот, кормили нас так в течение двух недель. Появилась рисовая каша, хлеб разный: черный, серый; американская тушенка появилась. На десять человек большая банка. Намажем, значит, на хлеб и с удовольствием ели эту тушенку. И представляете, уже через неделю, фронтовые песни запели, когда шли в столовую.

И вот потом отправили нас на запад. Дорога на фронт была нелегкой. Нас отбирали по дороге, комплектовали. Кругом шли на фронт – тайно, явно, пассажирскими вагонами. Нас посадили тридцать человек в вагон и отправили в сторону Харькова. Моих товарищей тоже отправили кого куда.

Мои братья уже были на фронте. На старшего брата, к тому времени я уже знал, пришла бумага, что он пропал без вести. И я боялся не успеть отомстить фашистам. Я говорил: «ребята, наверное, мы не успеем, война закончится!»

И нас загнали под Харьков, где в конце 1943-го – начале 1944 года произошло крупное сражение, где наши немцам проиграли. Там немцы уничтожили две наши армии. Одна из них была танковая. По-моему, ее командующим был генерал Шапошников. Крупное поражение там потерпели, и наших там окружили.

И вот, нас направили на прорыв этого окружения наших войск. Там были очень сильные бои, не хуже, чем под Ста-

линградом и Курской Дугой. Я попал в артиллерию, наводчиком 120 миллиметрового орудия.

По немцам мы успели выпустить всего-навсего три снаряда. Подошли резервы с Урала, с Сибири, немцев окружили и ликвидировали. И вот, я очень хорошо помню сводку, что погибших немцев было всего двести семьдесят тысяч человек. Их трупы на грузовиках куда-то увозили, хоронить-то их кто будет?

Мы спрашивали офицеров, а они нам говорят, что они сейчас, наверное, где-то в общей яме лежат. Завалили, а потом закатали землей, и все. Кстати, и с нашими так тоже делали.

И вот, мы боялись, что не успеем на фронт. Но на фронт я все же попал. Это было 6 июня 1944 года на Западной Украине. Мы ехали поездом, и нас разбомбили три немецких самолета. Но поезд как-то выкрутился, спрятался в лесах, и у нас один вагон, хозяйственный, загорелся. Но люди не пострадали.

Нас выгрузили, и мы попали в руки наших украинских партизан генерала Ковпака. Он нас взял под свою защиту. А эта партизанская армия жила в большом-пребольшом поселке таком, в лесу прямо. Палатки там, землянки были, жили своей жизнью. И мы даже не поверили, что партизаны могут так жить.

И вот, нас там переодели. Вместо ботинок дали кирзовые сапоги, одежду уже такую – фронтовую. И кормили нас там

очень хорошо. И в результате что получилось? Мы днем спали, а двигались только ночью. Как наступает темнота, начинается наше движение. И за ночь мы преодолевали от пятидесяти до семидесяти километров.

Начиная от бандеровских поселений до реки Сан, Сандомира, мы шли почти три недели. Мы шли с полной выкладкой: автомат, вещмешок, гранаты. И вот мы прошли мимо Львова. Мы думали, что во Львов обязательно попадем. Но его взяли наши войска на день раньше, а мы мимо прошли.

Я никогда не думал, что у нас, в СССР, были такие красивые города. Это настоящий город европейского типа. Такие чистые дома, чистые улицы, такие музеи! Мы удивились, что у нас такие города есть. Мы там проходили, всего два дня были и тоже своим ходом. И мы шли дальше.

И вот, на реке Сан, в городе Сандомир, мы заменили пехоту. Пехоту заменяли только ночью. Они встали и ушли, а мы заняли их места. И на следующий же день мы заразились вшами. Потому что там землянки и окопы, кто там будет где мыться и соблюдать гигиену? Бань не было, ничего не было.

И вот, через три дня мы такие вшивые были! Везде, и по десять-пятнадцать штук. А они такие жирные, белые, упитанные, кусаются и кровь пьют, понимаешь. И что же делать?

Тут нас старшие солдаты стали учить: соберите сушняк. Мы по три-четыре человека собираемся, собираем сушняк, втихую разжигаем костер, снимаем белье и вытряхиваем в него. И так они, сволочи, горели, прямо со звуком таким ло-

пались там. Как все равно что зерно жаришь. Звук такой же.

И вот, мы целую неделю боролись с этими вшами. Потом нас ночью по тревоге подняли, посадили на машины, на грузовики. Я запомнил, у нас командир бригады был по фамилии Столет. Полковник Столет. Он встречает нас и говорит:

– Здравствуйте, солдаты-столетовцы!

– Здравия желаем, товарищ Столет!

Вот прямо так и отвечали. Мы тогда уже перешли границу Польши и на границе с Чехословакией были. Попал я в другую дивизию, нас расформировали. И я попал на 152-миллиметровую гаубицу. Это уже было где-то в октябре 1944 года. Я там тоже был наводчиком. Расчет десять человек, целое отделение. Орудие было царского производства, короткоствольное, но бьет на восемнадцать километров.

Снаряд весом пятьдесят два килограмма. Одному его не поднять. Его в ствол вдвоем загоняли. И многие думают, что снаряды изготовили, в ящики упаковали, и все. Нет, братцы, снаряд любит чистоту. Надо, чтобы он блестел. Прежде чем его отправить в ствол, с него тщательно снимается смазка. Прямо тряпками с дизельным топливом или керосином. Потом тщательно насухо протирается.

Командир батареи или старшина с платочком ходит, проведет по снаряду: «а это что?» И снова начинают драить. Мы учились, конечно, всему. И вот, когда снаряд вылетает из дула гаубицы, глухой звук... И мы уши затыкали ватой или тряпкой, чтобы не лопнули барабанные перепонки.

Мы уже, конечно, научены были, знали. Первые испытания провели хорошо, уставшие, конечно, были. И мы узнали, что первый выезд навстречу немцам, которые начали контрнаступление, будет через час. Первый бой с немцами, у которых мы пожгли много танков, может штук двадцать, был удивительно коротким. Примерно полчаса.

У немцев были «Тигры», большие, громоздкие. И вот они горели... вот как баня горела, так и он горит. Вот тогда мы увидели, какая сила от снаряда. Когда снаряд попадал в «Тигр», он прямо раскалывался надвое. Броня лопалась. И вот тогда мы поняли, что такое танковый и артиллерийский бой.

За первый бой нам объявили благодарность. Сразу за первый бой ордена и медали не давали. Офицеры некоторые получали, а нам благодарности и похвальные речи. Еще добавку к еде давали. А к наградам представляли только уже после начала нашего контрнаступления.

И вот накануне 12 января 1945 года, генералы и офицеры пошли по окопам и блиндажам. Напишите домой письма, что идете в бой. Может, завтра кого-то из вас убьют или ранят. Сообщите родителям, что мы идем в последний бой. Политруки тогда были, комиссары.

Конечно, каждый написал такое письмо. Их отправили. И вот с одной только бригады собрали два мешка писем и отправили в тыл.

Через три месяца, когда мы уже были внутри Германии, не

поверите, приехал целый грузовик с письмами, с мешками. Представляете, это не с продовольствием мешки были, а с письмами! Треугольники, и такие, и сякие. Открываем – там фотокарточки девушек, написано хорошими почерками, что желаем победы, и так далее.

У солдат некоторых слезы текут, многие радуются. Вот я тогда удивился. Столько писем ведь с собой не возьмешь. Некоторые, конечно, особо полюбившиеся и фотографии бойцы брали с собой, а остальными разжигали костры и грелись. Представляете? Письмами своих родных и близких! А ничего не поделаешь. Вот так вот было.

Мы с боями прошли Вислу. Варшаву брали не мы, а другие. Мы просто способствовали ее взятию. И первый очень большой бой был под Краковом. А город Краков – это древняя столица Польши. Одно время Польша принадлежала России, и там очень много похоронено наших русских бойцов. Этот город очень красивый. Архитектура красивая, дома такие.

Немцы хотели этот город взорвать. Даже кино такое есть: «Подвиг разведчика». И наши взорвать города им не дали. Не только общая разведка была, а у каждой воинской части были свои разведчики и свои сведения. Поскольку наши обладали большими данными, нашей дивизии поставили задачу освободить город Краков. Нам, и еще одной дивизии стрелковой. Номера ее точно не помню: то ли 111-ая, то ли 117-ая.

И вот, за полтора дня, где-то на следующий день, к трем часам дня Краков был освобожден. Немцы Краков не успели взорвать. Было заложено четыре машины толовых шашек. Чтобы дома взлетели на воздух. Они, немцы, заранее нашли источник, подготовили дизель-генератор, на бензине, завели. Но не успели. Им не хватило примерно двух часов. Наши подоспели, обнаружили этот дизель-генератор и ликвидировали.

И таким образом, нас долго называли «краковцами». «Здравствуйте, воины-«краковцы»! Вот так приветствовали.

А после Кракова мы уже вошли в немецкий тыл. Половина Польши была как немецкий тыл. Продовольствие, выпуск оружия и прочее производилось в Западной Польше и в самой Германии. Продовольствия у немцев было очень-очень много. С краковских продовольственных складов, наверное, все три наших фронта снабжались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.